

Александр Александрович Бронников (49 лет) — родился в городе Сургуте Тюменской области Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Имеет высшее юридическое образование. С раннего детства увлеченный читатель. Первые рассказы стал писать в средней школе. В местных изданиях и альманахах печатались стихи.

О МУЖЕСТВЕ

Бело. Белесая пелена белизны. Неспешная метель поднимает клубы снега над черными трещинами кустов, над мохнатыми ветвями елей. Поднимает и опускает. Подкидывает и нежно катает по застывшим снеговым волнам. Глубокий снег, хороший. Умялся, уплотнел. Хорошо бежать по такому снегу, нырять в овраги, искать след добычи.

Тяжелому плохо, проваливается, вязнет, устает быстро. А ему, напротив, а ему хорошо, он легкий и быстрый. И спать на снегу хорошо. Заметет сверху, а нос к брюху прижмешь, и тепло. мех густой, плотный, ветер не добирается до костей.

У нее тоже мех, ей тоже тепло под снегом. Только вот малыш дрожит иногда, но она его всегда лапами своими запутает, прижмет, и он согревается.

Только один враг у них. Вечный враг. Один на троих. Страшный и вечный — голод. У голода нет времени, у него нет привычек, нет желаний. Он всегда здесь. Кружится, подвывает бархатной метели. А потом заурчит, заклопочет в брюхе и поднимет за ершистый загрявок. Топчите снег,

лапы-перелапы. Вынюхивай — ищи того, кто мог бы задобрить твоего вечного врага.

Затихает метель, и тучи уходят, уступая место бельму солнечному. Светит, да не греет желтоликое. По-выть бы сейчас, покамлать удачу на охоте, да луна где-то среди сосен затерялась. Запряталась, не показывается, а пора бы уже. Что-то тоскливо стало. Отряхнуться, размять лапы да в путь. А она уже рядом. Ластится, тычется мокрым носом в ухо. Щекотно. Малыш уже между лап пробрался, смотрит снизу-вверх, даже пасть открыл от восхищения. Какой огромный отец, какой лохматый и зубастый, вот силища!

А она свою голову на шею его могучую положила и трется, нежится. Но видно, голодная. Дрожит. На крайней охоте добыча небольшая была, она все малышу отдала.

Надо идти. Идти снег месить да пыль снежную нюхать. Должна быть сегодня добыча, должна. Только тоскливо что-то, тоскливо и муторно на душе. Еще луна эта, будь она не ладна, пропала, хотя должна была быть.

Скоро сумерки, нужно спешить. Метель совсем опала, снег искрится розовым. Хорошо бы ушастых погнать. Их тоже голод из нор вытаскивал, бегают плохо.

Он вытянул шею и глубоко задышал, мощно втягивая ноздрями морозный воздух. Там. У старой ивы. Несколько ушастых кормятся. Нужно обойти слева, там овраг.

Пошли вдоль берега у ледяного края озера. Он впереди. За ним — малыш. Старается в следы попадать. Следом — она. Мордой подталкивает пушистый зад со смешным лохматым хвостом.

Так и идут, вереницей, троица вечных странников, так и будут идти, подгоняемые врагом своим. Не остановятся, не скажут хватит, будут идти, пока силы не оставят. Будут идти и не думать, ради чего идут. Идут ради друг друга. Ради того, что тысячи лет так шли, а останутся, и исчезнет все, прекратится круговерть. И лес, и кусты, и ушастые — все исчезнет.

Поднял морду, принялся. Что-то постороннее, что-то странное там за высоким снежным берегом, что-то опасное. Хорошо, что стая недалеко, он их еще вчера почуял. Ему уже не вернуться, не примут, а она с малышом сможет. Нужно было их раньше отправить, да все не хотелось без теплоты их мохнатой остаться. Теперь поздно. Луна проклятая знала, все знала.

Снегоход выскочил из-за косогора, слепя фарами. Быстро, слиш-

ком быстро. Нужно идти спокойно прямо, как шли, иначе беда. Рыкнул через плечо. Она покорно идет, даже не повернется с сторону грохочущей машины. И малыш не дрогнул, не забился под материнское брюхо. Хороший малыш. Было бы больше времени, сделал бы из него настоящего охотника. И ушастых научил бы ловить, и сохатого загонять. Но времени больше нет. Осталось только выдержать, не дрогнуть, чтобы они живыми ушли. Там у большой звезды стая, они примут.

Мгновение — и снегоход рядом. Человек поднимается, вскидывает ружье. Ну же, стреляй! Вот он я, большой, красивый! Какая добыча! А ее и малыша потом можно будет, когда побегут.

Выстрел. Изумлен человек. Идет мохнатый, даже не пошевелился, а ведь попал, нет, точно попал. Что же он идет?

Больно. Никогда не было так больно, но нужно идти, спокойно, размеренно, идти так, как и шел, словно нет ничего: ни боли, ни крови по следу, ни человека.

Выстрел. Да что ж такое, и второй раз же попал, а он идет. Может, прицел сбился? Но почему не боится, не бежит?

Воздух стал как огонь, режет глотку, глаз застилает красное, правой лапы словно нет, но нужно еще немного пройти, вытерпеть. Скосил здоровый глаз, они уже у кустов, сейчас она повернется, заскулит, посмотрит слезящимися голубыми своими

глазами. Простится навсегда и растворится с малышом в чаще. Какая редкость — эти ее голубые глаза, как луна. Луна! Так вот же она где была, в глазах ее спряталась, прощаться пришла с самого неба.

Выстрел. Остановился. Сейчас упадет. Нет! Повернулся. Не может быть! Падай, падай, ты убит!

Теперь самое время. Они ушли, остались мы с тобой. Последние силы, яркий острый проблеск, последний. Рванулся вперед так, как никогда не бегал, два прыжка, и вот он.

Удар страшной силы в лобовое стекло снегохода. Ружье вылетает из рук далеко в сторону. Кровавый сгусток меха и ярости лежит на снегу. Человек, опомнившись, спрыгивает в снег, на ходу выхватывает нож, бежит. Вгоняет лезвие в еще теплое мохнатое тело. Поздно. Он уже мертв. Давно мертв. Он умер еще там, на тропе, когда она с малышом побежала к лесу.

Мертвым он шел дальше по тропе, мертвым бежал, мертвым прыгал.

Еще удар ножом. Бессмысленно. Даже крови почти нет, вся она там, на тропе осталась. Вон она, красная дорожка жизни. Вороны к вечеру склюют, снегом заметет, ничего не останется, словно и не было ничего.

Человек перетягивает петлей мохнатую шею. Вот так удача, какой здоровый попался. А где эта тощая со щенком? Надо же, совсем отвлекся на это чудовище, удрали. Но ничего, завтра приеду, может, снова выйдут сюда.

Снегоход ревет, вспахивает снежную целину. Волочится по снегу когтистая лапа, бьется по кочкам, словно из последних сил цепляется за белизну эту, за жизнь свою и чужую.

А вот и луна. Выпорхнула из-за крон елей, смотрит вслед. И там, у большой звезды, тонко, пощечьящему, завыл малыш.

